

Занятия на той неделе прошли быстро. Джеймс и Сириус не сдали все свои домашние задания, что Ремусу показалось странным; в конце концов, у них часто уходило примерно четверть того времени, которое требовалось Ремусу для их выполнения (когда они действительно их делали). Не было никакой логической причины, по которой они могли бы его не сделать. Неужели они были настолько ленивы? Нет, скорее всего, они просто хотели посмотреть, как учителя разгорячатся из-за этого. Этим мальчикам нравилось создавать хаос.

Наконец наступила суббота, и Джеймс проснулся в удивительно приподнятом настроении. Это было утро первого матча по квиддичу. Джеймс, казалось, был больше взволнован тем, что отвел Ремуса на его первый в жизни матч по квиддичу, чем тем, что смотрел его сам.

"Ты действительно никогда не видел игру в квиддич?" - недоверчиво спрашивал он Ремуса примерно пятнадцать раз за день до игры. "Никогда?"

"Никогда", - всегда подтверждал Ремус. "Никогда".

"Это потому, что ты бедный?" - спросил он однажды, и Ремус моргнул.

"Ну, наверное. Квиддич - довольно дорогой вид спорта, и он того не стоит, если ты не заинтересован в нем с самого начала".

"Ты не интересуешься квиддичем?" голос Джеймса с каждой минутой становился все более недоверчивым. "Я думал, что все волшебники любят квиддич!"

"Я не знаю... это просто не важно, не так ли? Неважно, кто победит; это же не вопрос жизни и смерти". Ремус очень хорошо знал вопросы жизни и смерти, и он не видел причин для беспокойства по поводу того, кто выиграл матч по квиддичу.

Джеймс, однако, не был удовлетворен таким ответом. "То есть ты не знаешь, кто на данный момент является чемпионом по квиддичу?"

"Нет".

"Это общеизвестно! Это культурная вещь! Любить квиддич - это то, что делают волшебники! Это как... знать, какой сейчас год, или знать английский. Это хороший собеседник, это помогает людям общаться с другими людьми, и это весело!"

"Весело? Смотреть, как люди летают на метлах и кидают друг в друга мячи на морозе? Почему я не могу просто... не спросить, кто выиграл, и не мучиться из-за погоды?"

"Да ладно, Ремус", - сказал Сириус. "Мы переносим непогоду независимо от погоды, нравится она нам или нет!"

"Уф."

Несмотря на протесты Ремуса, Джеймс убедил Ремуса пойти с другими Мародерами. Уговаривать пришлось недолго: Ремус был очень рад увидеть свою первую игру в квиддич с друзьями. Это была часть опыта Хогвартса, и Ремус был полон решимости испытать Хогвартс в полной мере, прежде чем ему придется уехать. И вот он здесь, завтракает с другими Мародерами прямо перед первым в этом году матчем по квиддичу. Джеймс разложил еду на своей тарелке в форме поля для квиддича (на удачу, как он сказал). Ремус подумал, что это глупо, но ничего не сказал по этому поводу.

Пока Ремус пытался не закатить глаза на творение Джеймса, за ним прилетела сова, которая принесла "Ежедневный пророк" и - неожиданно - очень комковатую посылку.

"Что это такое?" - спросил Джеймс, расставляя яйца в ворота.

Ремус осторожно взял посылку у совы и перевернул ее в руках. "Я не уверен".

"Ну, так открой ее", - проинструктировал Сириус.

Ремус немного сомневался, стоит ли открывать посылку в присутствии друзей - в конце концов, вдруг она имеет отношение к оборотням? Оно было легким и пушистым, очень мягким и пахло... пряжей.

Ремус знал, что это такое.

Он усмехнулся и открыл его как можно осторожнее, стараясь сохранить упаковку для будущего использования. Выпал красно-золотой паук со слишком большим количеством ног, и Питер вскрикнул.

Ремус поднял его и попытался определить, какой путь наверх. Он не был таким ужасным, как описывала его мать; просто немного скрученный - слишком слабый шов. Но все же он немного напоминал шарф. Ремус накиннул его на шею и дважды обернул. Он был уродлив. Он был очень плохо сделан. Но он был идеальным.

"Это шарф", - сказал он с гордостью. "Мой папа сделал его для меня".

"Твой папа не очень хорошо вяжет", - сказал Джеймс, ничуть не пытаясь скрыть свой смех. "Ты выглядишь смешно".

"Мне все равно. Он идеален", - упрямо сказал Ремус. Он достал из сумки что-то еще - шляпу. Шляпа была просто красно-золотой... амебой, судя по всему. Ремус несколько секунд возился с ней, но так и не смог понять, как ее надеть. Он засунул его в сумку. "А вот это, с другой стороны, мусор".

Питер хмыкнул, а Ремус вытащил записку.

Дорогой Ремус,

Я закончил шарф и шапку - хотел приберечь их к Рождеству, но услышал, что сегодня твой первый матч по квиддичу. Если ты чувствуешь себя лучше...

Ремус с треском перевернул записку, молясь, чтобы никто ее не увидел.

"Ты уже закончил ее читать?" - пожаловался Сириус, который заглядывал Ремусу через плечо.

"Да", - ответил Ремус. Он не знал, что еще сказать. "Я быстро читаю. У меня было много практики". Он сунул записку в сумку. "Я точно надену этот шарф на матч".

"Вот это удача", - сказал Джеймс, доедая свой тост. "Или не повезло, на самом деле. Это очень уродливый шарф. Полагаю, мы это выяснили. О, а вот и Блюботтл! Сириус, это твой подарок!". Сириус поднял голову и поймал довольно тяжелую посылку как раз в тот момент, когда Блюботтл уронил ее. "Я купил ему лучший подарок на день рождения", - самодовольно пояснил Джеймс. "Но он не пришел вовремя к его дню рождения, хотя мы заплатили дополнительные деньги, чтобы его доставили пораньше. Тогда давай, Сириус, открывай его".

Сириус так и сделал, его лицо украсила огромная улыбка. Внутри упаковки лежал волшебный фотоаппарат. Она выглядела очень дорого. "ДЖЕЙМС", - написал Сириус большими буквами. "Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ".

Джеймс провел рукой по волосам. "Так тебе нравится?"

Сириусу действительно нравилось - он сделал около миллиарда фотографий себя и других Мародеров перед завтраком. Предварительно он продублировал пленку несколько десятков раз, и вскоре у него было около тридцати фотографий. "Оставь несколько для игры", - приказал Джеймс, и Сириус подчинился. Казалось, что ему было больно опускать камеру.

Ремус задался вопросом, получал ли Сириус когда-нибудь такой подарок - подарок, за которым стояла мысль, и который ему действительно понравился. Выражение его лица было бесценным, и Ремус не смог удержаться, чтобы не выхватить камеру и не сфотографировать его, когда он не смотрел.

"Эй!" - рассмеялся Сириус. Ремус положил фотографию в карман. "Наверное, я выглядел нелепо".

"Ты всегда выглядишь нелепо", - сказал Ремус, и Сириус сфотографировал его в ответ. Питер попытался отобрать у него фотоаппарат, но в итоге засунул локоть в мармелад.

После завтрака они отправились на трибуны для квиддича примерно на час раньше; Джеймс хотел посмотреть на разминку команд. "Он сказал недовольному Ремусу, которому не хотелось проводить лишний час на холоде.

Однако все оказалось не так скучно, как предсказывал Ремус. Джеймс и Сириус рассказали достаточно шуток, чтобы Ремус был развлечен, а Питер практически подпрыгивал со стула от восторга. "О, Боже, Боже, Боже", - повторял он снова и снова, как маленькая девочка. Сириус сказал ему об этом в довольно бестактной форме, но Питер, похоже, ничуть не возражал.

Сириус сделал множество фотографий Мародеров на трибунах, и они даже формально позировали для одной из них - хотя руки Сириуса были недостаточно длинными, левая щека Питера была немного вырезана из фотографии, а Джеймс наполовину стащил шарф Ремуса. Трибуны постепенно заполнялись, и в один прекрасный момент Джеймс был сбит в камеру шумной толпой, пока Сириус делал снимок. Получился очень юмористический снимок.

Спустя, казалось, целую вечность, матч по квиддичу был почти готов начаться; Мародеры прижались друг к другу, пытаясь согреться. Ремус ужасно дрожал, но Джеймс излучал тепло (возможно, потому что был так взволнован, что, казалось, вот-вот лопнет). "Квиддич, - читал он лекцию Ремусу, - это игра, полная тонкостей. Это не просто игра; нет, это искусство. В этом виде спорта нет абсолютно ничего плохого. Он великолепен; ему нет равных. Есть причина, по которой у волшебников есть только один вид спорта, и это потому, что в том виде спорта, который у нас есть, есть абсолютно все. Ловкость. Точность. Сила. Координация. Зоркий глаз. Все зависит от того, на какой позиции ты играешь, и для каждого найдется что-то свое. Это действительно идеальная игра".

"Даже если снитч стоит смешное количество очков?" сказал Ремус.

"О, Ремус. Ты ничего не знаешь. Ловец выигрывает игру, но очки набирают загонщики. Так что ловец важен для победы, да, но если у тебя нет хороших загонщиков, ты можешь выиграть все игры и все равно потерять шансы на Кубок. Ловец - это точка вращения, но ни одна точка не может вращаться без внешней силы. Загонщики - это внешняя сила. Ловец может закончить

гонку, но именно загонщики делают гонку достойной".

"Значит... Ловец - самый важный, а все остальные - просто для показухи и дополнительных очков".

"Да, в общем-то", - сказал Сириус, прежде чем Джеймс успел ответить.

"Ладно, может быть", - согласился Джеймс. "Но какой смысл в матче, если ничего интересного не происходит? Никто не придет. Так что загонщики тоже делают деньги, правда. Это как... это как метафора реальной жизни, или что-то вроде того. Ловцы - это как профессора, авроры, Министерство. Они поддерживают мир. Остальные - как певцы и артисты. Они тоже важны, и часто зарабатывают больше денег и получают гораздо больше славы".

"Понятно. Но разве не ловцы обычно получают большую часть славы...?" Прежде чем Ремус успел закончить эту мысль, Джеймс резко захлопнул его.

"Начинается!" прошептал Джеймс, совершенно очарованный. Мадам Хук подбросила мячи в воздух, свистнула в свисток, и матч начался.

Прошло около пяти минут, прежде чем Ремус решил, что ему нравится квиддич.

Просто в нем было что-то такое. Ремус не мог не беспокоиться о матче. Гриффиндор даже не играл - это был Слизерин против Пуффендуй. Его друзья, конечно же, болели за Пуффендуй, поэтому Ремус сделал то же самое. Он плохо видел происходящее, и было трудно следить за игрой, когда происходило так много разных событий. "Джеймс, - спросил он (хотя его голос был едва слышен из-за криков болельщиков), - за кем я должен следить? За ловцами, загонщиками или нападающими? Или вратарями? Я запутался".

"Выбери одного", - крикнул Джеймс. "В квиддиче главное - выбор! Кто твой фаворит? Мы поговорим об игре после и расскажем друг другу, что мы пропустили". О! У меня есть идея! Нас четверо и четыре позиции! Так что когда ничего особенного не происходит, мы все можем наблюдать за разными людьми! Сириус, ты следишь за нападающими, Ремус - за загонщиками, Питер - за вратарями, а я буду следить за ловцами! Тогда мы не пропустим ни секунды!"

Ремусу показалось, что это противоречит цели игры, но он все равно подчинился и направил свой взор на ловцов в желто-зеленой форме. Казалось, они не делали ничего интересного - просто парили вокруг и сканировали воздух в поисках снитча. Вместо этого Ремус стал наблюдать за лицами своих друзей. Сириус улыбался как сумасшедший; Питер прикрывал рот руками, возможно, чтобы не закричать от восторга; а Джеймс... ну, это было счастливое место Джеймса.

Особенно трудно было обращать внимание, когда кто-то забивал гол - Джеймс, Сириус и Питер кричали совсем близко от уха Ремуса, и его сверхчувствительный слух поджигал каждый нерв. Поэтому он закрывал уши и кричал вместе с ними. Это не помогало ему слышать, но было даже забавно.

Ремус пытался понять, что сделало этот матч таким замечательным. Это был не сам матч, нет; это надоело ему до смерти. И уж точно не шум, и не смертельный холод, пронизывающий до костей. Нет, это было... чувство товарищества - быть рядом со своими друзьями, с шарфом, который все еще пах его отцом, на шее и фотографией Сириуса в правом кармане. Это был Сириус, который время от времени украдкой фотографировал своих друзей и игру, совершенно очарованный и матчем, и модной волшебной камерой. Это был Джеймс, который кричал и кривлялся и выглядел счастливее, чем Ремус когда-либо его видел. Это был Питер, который

выглядел как дома, включенным в игру и полностью довольным. Это было чистое волнение, которое излучали все ученики и учителя, присутствовавшие на матче.

Это было волшебно, решил Ремус. И не та магия, которую совершают с помощью палочки. Нет, это был совершенно другой вид магии, и левитация пера не могла даже сравниться с ней.

Ну, может, и могло. Ремус любил магию. Но дело было не в этом.

Он вернул свое внимание к матчу, убрал руки от ушей (хотя уши от этого ужасно болели) и позволил себе погрузиться в толпу студентов, которые отбросили все свои заботы и погрузились в захватывающий, хотя и глупый, спорт.

Сейчас он не был оборотнем. Он был оборотнем вчера. Он будет оборотнем завтра. Но сейчас он не был оборотнем, и он не был Ремусом Люпином... он вообще не был личностью. Он был Мародером, Гриффиндором и студентом Хогвартса. Он был маленькой частью целого; лишь крошечной статистикой в великой схеме вещей. Он был неважен. Обычно эта мысль не радовала, но сегодня она была именно такой. Ремус не был в команде по квиддичу, но он чувствовал такое чувство команды, когда они вместе смотрят и болеют в один голос, что это было почти невыносимо.

Он мог понять, почему Джеймс так любит квиддич.

Ну, вообще-то, Ремус не мог. Как бы ему ни нравилось смотреть матч, он искренне не понимал, почему Джеймс так одержим этим видом спорта. Ремусу, конечно, нравился квиддич, но он не собирался выяснять, кто выиграл последний Кубок, и религиозно следить за результатами команд в "Пророке". Но Джеймс, как бы то ни было, был довольно странным, и Ремус любил его за это.

"Так кто же выиграл?" спросил Ремус у Джеймса, когда они шли обратно в замок. Джеймс недоверчиво посмотрел на него.

"Пуффендуй! Разве тебя там не было?"

Ремус улыбнулся. "Да, я знаю. Я просто пошутил". Команда Пуффендуя выбежала с поля с криками и воплями, они подняли ловца в воздух, он держал снитч в кулаке и размахивал руками. Все на трибунах Пуффендуя высыпали наружу, кричали и орали. Слизеринцы выглядели ужасно недовольными, когда искатель Пуффендуя повел всех скандировать ("Пуффендуй рулит"). Джеймс назвал ловца Пуффендуя "идиотом, привлекающим внимание", но ловец скорее напомнил Ремусу Джеймса. Ремус не осмелился сказать об этом Джеймсу.

"Ну как, тебе понравился твой первый матч?" - спросил Джеймс. "Это было великолепно, не так ли?".

Ремус горячо кивнул. "Блестяще", - повторил он. "Действительно блестяще".

"Я так и знал!" Джеймс внезапно обнял Ремуса, удивив его так сильно, что он чуть не упал. "Мы еще сделаем из тебя фаната квиддича!"

"Да, конечно", - сказал Ремус. "Я все еще не понимаю систему подсчета очков. Ловец буквально единственный, кто имеет значение".

Джеймс отпустил его и игриво толкнул. "Послушай, Ремус. Загонщикам достаточно быть на пятнадцать голов впереди, чтобы сравняться с другой командой, даже если та поймает снитч.

Если у твоей команды хорошие загонщики, ты все равно можешь выиграть! Подумайте об этом так. Пуффендуй и Слизерин только что сыграли первый матч, и он закончился со счетом 170-60. Пуффендуй забил только два гола, а Слизерин - шесть. Таким образом, Пуффендуй выиграл с перевесом в 110 очков. Если Пуффендуй сыграет следующий матч (который будет против Когтеврана) и выиграет 90 очков - это будет означать, что Когтеврону придется забить восемь голов, но Когтевран проиграет свой последний матч на 10 очков и выиграет два следующих матча, набрав по меньшей мере 200 очков каждый, тогда...". Джеймс бредил, пока они не добрались до замка, подробно описывая, как именно могут происходить матчи. Сириус пару раз вклинивался в разговор, а Питер смотрел, пораженный.

"Так что теоретически Гриффиндор может выиграть только один матч и все равно остаться в борьбе за Кубок!" - закончил Сириус, когда они дошли до общей комнаты Гриффиндора. "Так что на самом деле важна не победа".

Мародеры вошли в общую комнату; внутри Гриффиндор устраивал послематчевую вечеринку. "Почему они празднуют?" спросил Питер. "Гриффиндор даже не играл".

"Да уж." Джеймс закатил глаза. "У Слизерина лучшие загонщики, чем у Пуффендуя, так что теперь у Гриффиндора больше шансов на Кубок. И еще, никто не любит Слизерин".

Ремус подумал о Квестусе. Ему нравился профессор Квестус, но он не сказал об этом Джеймсу.

"Хочешь посмотреть фотографии?" - спросил Сириус, доставая из мантии кулек фотографий. Джеймс рассмеялся, и Мародеры вместе сели на диван и просмотрели фотографии Сириуса.

У семьи Ремуса были немного сложные отношения с фотографиями. Мама Ремуса не часто фотографировала, только его отец. Маггловские фотографии были намного скучнее, чем волшебные. У нее был скромный альбом с фотографиями юных лет Ремуса: Ремус на пляже, Ремус, забравшийся на дерево, двухлетний Ремус, играющий в перетягивание каната с соседским мальчиком, малыш Ремус с отцом - все неподвижные и застывшие во времени. У отца Ремуса, напротив, было семь фотоальбомов. Он был из тех людей, которые записывают все. Там было около пятидесяти фотографий Ремуса в младенчестве, около сотни фотографий Ремуса в детстве. Была только пара фотографий Ремуса в возрасте пяти лет, но затем частота фотографий постепенно увеличивалась. Фотографии Ремуса с Гаррисоном, фотографии Ремуса с Буфо, фотографии Ремуса, читающего, Ремуса, отдыхающего на диване, Ремуса, спящего. Отец Ремуса некоторое время был домашним родителем, и он иногда устраивал спонтанные фотосессии с молодым, скукающим и сидящим дома Ремусом. Фотографий Ремуса было много.

Но, несмотря на то, что у Ремуса были приятные воспоминания о том, как в детстве он делал смешные снимки с отцом, он ненавидел листать фотоальбомы - на всех фотографиях он всегда выглядел таким усталым и грустным. Однако Ремус на фотографиях Сириуса был счастлив: он был полон красок и жизни, носил дурацкий шарф, улыбался и шутил со своими друзьями. Ремус не мог перестать смотреть. Он никогда не видел себя таким.

На одной из фотографий Питер смеялся; он прикрывал рот руками, а глаза его были яркими. Он что-то говорил Джеймсу, который не слушал, потому что был так увлечен матчем. Сириус был снят слишком близко к его лицу, и Ремус мог разглядеть волоски у него в носу. Был и такой кадр, где Ремус завтракает и закатывает глаза на Сириуса. Питер смеялся на заднем плане. На одной из них Джеймс прислонился вплотную к игрокам в квиддич, пытаясь получить лучший обзор, и кричал на Сириуса. На одной из них Ремус, Джеймс и Питер сгрудились вместе, как сардины в банке. Руки Ремуса были закрыты, но он улыбался как сумасшедший. Ремус задумался, как часто он так улыбается. Он решил улыбаться чаще.

Там был один только Ремус - его руки по-прежнему были заложены за уши, щеки покраснелись от возбуждения и холода, глаза были такими детскими и одухотворенными, какими Ремус их никогда не видел. Он все еще улыбался. Его шарф был накинут на шею и слегка трепетал на прохладном ветру. Он не был похож на оборотня. Впервые в жизни он выглядел как одиннадцатилетний студент Хогвартса, которому нет дела до всего на свете.

А потом была любимая фотография Ремуса. Это была та фотография, для которой они позировали - Питер, правда, был немного вырезан из фотографии, но вы могли видеть большую часть его лица. Они все улыбались, а Джеймс махал рукой в камеру. Он приблизил руку к Ремусу и взял его шарф, а Ремус посмотрел на него с наигранным презрением. Джеймс рассмеялся и надел шарф на голову Ремуса. Питер смотрел с волнением, а Сириус улыбался в камеру так, словно это была самая замечательная вещь, которую он когда-либо видел в своей жизни. Он был одержим этой штукой.

Ремус достал из кармана фотографию Сириуса, которую он сделал. На Сириусе было точно такое же выражение лица, а его галстук был весь в варенье. Вдруг Сириус на фотографии что-то сказал, а затем протянул руку, чтобы забрать фотоаппарат, все еще ухмыляясь. "Эта фотография не так уж плоха", - сказал Сириус, глядя через плечо Ремуса. "Можно мне ее взять?"

"Конечно", - сказал Ремус. Он задался вопросом, часто ли родители Сириуса фотографируют, и пришел к выводу, что нет.

Сириус выхватил фотографию из рук Ремуса и заменил ее фотографией, на которой были изображены они вчетвером. "Джеминио", - сказал он, коснувшись фотографии своей палочкой и сделав точную копию. "Вот. Можешь отправить эту маме. А эту я положу в фотоальбом Мародеров, который мы делаем!".

Ремус улыбнулся и положил фотографию в сумку. Впервые за все время ему понравилось, что его фотографируют.

А еще ему нравился квиддич.

Куда катится этот мир?

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1808489>